

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Алексей Венедиктов

В 1998-2022 Главный редактор, *Эхо Москвы*

Интервьюер:

Иван Грек

The Bridge Research Network

Дата интервью:

2 сентября 2021 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Алексей Венедиктов, интервью Ивана Грека, 2 сентября 2021 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Алексей Алексеевич, когда Джордж Буш стал президентом в январе 2001 года, какой работой вы занимались и как пришли на эту должность?

ВЕНЕДИКТОВ: Когда Джордж Буш стал президентом, я уже был главным редактором [Эхо Москвы]. Я был избран в [19]98 году, пораньше господина Буша, все-таки. И как раз в это самое время, президентом, молодым президентом, стал Владимир Путин. Собственно, я занимался той же работой, которой занимаюсь сейчас. За несколько месяцев до прихода Буша, здесь был президент Клинтон, действующий. Я брал у него интервью, прям вот здесь. И потом, я его спросил, что он думает — это был июнь 2000 года — я его просил, что он думает о том, кто его сменит. И он сказал, что он не может мне это сказать, но он думает про это. Такой был ответ: не в эфире, а уже когда мы пили чай.

ГРЕК: Как вы относились к Путину, когда он пришел к власти, и каковы были ваши ожидания по поводу того, как он собирается формировать внешнюю политику России в отношении Америки?

ВЕНЕДИКТОВ: Я господина Путина мало знал до этого времени, ну как крупного государственного деятеля. Его знал, как достаточно мелкого чиновника, сначала в Петербурге, а потом в администрации президента, поэтому, естественно, никогда не задумывался о том, что он может стать президентом. Но исходя из тех разговоров, которые я вел с руководством администрации тогда, мне было понятно, что Владимир Путин — имперец, и Владимир Путин, в то время, представлял себе необходимость заключать союз с Европой против Америки. Он был антиамериканист, потому что мы все приблизительно

сверстники: воспитывались в период холодной войны. И исходя из тех учебных заведений, в которых он учился, было очевидно, что Америка — это его родоплеменной враг, наследственный враг. И это уже в 48 лет не меняется. Поэтому, конечно, я ожидал, что будет охлаждение после истории с Ельциным, хотя охлаждение уже началось после Югославии, поэтому ничего удивительного в этом не было.

ГРЕК: В июне 2001 Буш и Путин впервые встретились в Словении. СМИ интерпретировали это по-разному: одни считали, что это положительный решающий момент, другие говорили, что личная химия, которая у них случилась на первой встрече, не повлияет на политику. Как бы вы оценили эту встречу? Как ваша радиостанция освещала это событие, если вы помните? И знаете ли вы о реакциях в администрации Путина на Буша?

ВЕНЕДИКТОВ: Значит, у нас был корреспондент, который летал на эту встречу, естественно, в пуле президентском Путина. Ну, ничего неожиданного не было, потому что эта встреча была на Балканах, или близко к Балканам, скажем так, и главный — это был вопрос Югославии, поэтому было очевидно, что Путин, который, антиамериканист, повторяю, наследственный, тем не менее понимал, что ключик в руках у Соединенных Штатов Америки и у вновь избранной администрации. Поэтому мы освещали, если я правильно помню, так, что Путин попытается договориться об урегулировании вот этого балканского кризиса, Югославского кризиса. Ну и конечно, с тех пор фраза: «Я заглянул ему в глаза», — фраза президента Буша, она в общем, как мем остается в российском политическом словаре. И когда мы вспоминаем кто кому заглянул в глаза, все сразу вспоминают что это президент Буш заглянул

в глаза, а не Путин. А, значит, у Путина к тому времени была давно выработанная особенность — я с этим сталкивался, с ним непосредственно уже этот год — он принимал всегда форму собеседника, и было совершенно очевидно, что он пытается обаять, завербовать, убедить президента Буша в том, что Россия поддержит Америку в ее решениях, если, значит, конфликт будет прекращен и Россия получит свой кусок на Балканах. Ну собственно говоря, так оно и случилось.

ГРЕК: В первые дни правления Буша, вы сказали, что ожидали, что его администрация будет гораздо более конфронтационной по отношению к России. Однако вскоре Путин и Буш встретились и, как и Ельцин и Клинтон, вроде бы как, наладили личные тесные отношения. Как бы вы сравнили отношения Ельцина и Клинтона с взаимодействиями Путина и Буша? Как бы вы сравнили влияние личных отношений между двумя президентами [Ельцин-Клинтон, Путин-Буш] на процесс развития международных отношений?

ВЕНЕДИКТОВ: Ну смотрите, сравнивать совсем невозможно — это очевидно были разные пары, разные люди. Я просто знал несколько человек из администрации Рейгана, поэтому я понимал примерно, как они относятся к России (советники, которые становились министрами, госсекретарями). И в конечном итоге, так оно и оказалось, все закончилось вообще-то мюнхенской речью, я хотел бы вам напомнить. Да, поэтому я-то оказался прав в конечном итоге. Но повторю Путин — это человек, который может обаять и принимать форму собеседника особенно, когда ему это выгодно, поэтому очевидно, что для президента Буша — для него Ельцин был никто: «Кто это?» Он с ним

практически не коммуницировал никогда. И для него это был как бы новый русский царь. И понятно, что для Буша были важны интересы Америки, а не интересы там России или чего-то еще.

Значит, отношения «Ельцин-Клинтон» — за ними я наблюдал близко, поскольку был в пуле президента Ельцина, и поскольку Клинтон был здесь. Значит, они были все-таки, они были людьми прошлого века — они как раз делали ставку на то, что личные отношения, а не интересы, могут на что-то повлиять. Для Путина личные отношения очень важны, но не в том смысле, в каком «Ельцин-Клинтон». В этом смысле, для Путина очень важно, чтобы к нему относились как к равному — для Ельцина это было необязательно.

И то, как повел себя Буш в Словении, в частности — Путина это удовлетворило, и он сохранил о Буше — даже после ухода президента Буша с поста, он сохранил о нем очень такие, я бы сказал, хорошие воспоминания. И уже после его ухода, однажды, на встрече с главным редакторами, где я участвовал, на закрытой встрече, Путин сказал, что: «Буш никогда меня не обманывал. Если он говорил: „нет“, — значит это было „нет“. Если он говорил: „Я подумаю“, — значит это было „подумаю“, а не „нет“. Если он говорил „Да“, — это значило „да“, даже если его администрация возражала».

Вот мы его спросили, как раз на смене, уходе Буша, это был [200]8 год. И Путин уходил тоже с поста президента, я просто напомню, стал премьер-министром, была встреча, это был... это, наверное, был где-нибудь апрель [200]8 года. Он говорил: «Буш меня никогда не обманывал». Нет, это был апрель [200]9 года. Буш уже ушел, вот, имейте в виду, когда мы с ним разговаривали, там уже грузинская война прошла, , и он говорил: «Буш меня

не обманывал никогда!». Вот, то есть, у них сложилась некая химия, но это не политическая химия: Путин не переводит личную химию в политическую, он делит это и хорошо знает: хорошие отношения, да, но интересы могут быть прямо противоположные. Да, но при этом повторяюсь он относился к нему — я не могу сказать с уважением, с вниманием — это точно. И сохранил хорошие воспоминания. И, кстати, когда он 11 сентября позвонил Бушу с предложением помощи, это же не было просто выражение соболезнования, это было предложение помощи, реальное предложение помощи: «Что тебе надо?», — говорил он. Я не знаю, рассекречен этот разговор или нет уже, во всяком случае, он нам так объяснял: «Я тебе помогу, что надо?». Значит, это был, конечно, политический расчет, но это был и импульс. Предположу, что Обаме он бы с этим не позвонил. Позвонил бы, но не с этим! [смех]

ГРЕК: В начале 2000-х ваше радио представляло либеральную аудиторию. Не могли бы вы оценить, как отреагировала ваша аудитория, журналисты, на выход США из договора об ограничении систем противоракетной обороны в 2001 году? Как эта новость воспринималась либеральной частью населения на фоне продвижения демократии, расширения НАТО и прочих реперных точек, которые со стороны центристов воспринимались остро?

ВЕНЕДИКТОВ: Смотрите, вот и я, и многие мои журналисты, в то время и сейчас продолжают общаться с президентом Горбачевым, поэтому мы очень тщательно и внимательно смотрели на весь комплекс договора о разоружении, на всю архитектуру. Ну мы ее понимали, потому что Горбачев приходил сюда: он садился вот в это кресло и очень долго рассуждал о том, как строилась система безопасности в период Рейгана и Буша-старшего. И бывали даже

случаи, когда у нас шел эфир, потом он звонил мне и говорил: «Леша, ты ничего не понимаешь в ракетах средней и малой дальности, я сейчас приеду и вам все расскажу».

И мы собирали здесь небольшую группу наших журналистов, которые занимались обороной и безопасностью, и он рассказывал как шли переговоры и что это значит. То есть у нас был эксперт, который знал о чем он говорит. Поэтому любое нарушение баланса — во-первых, мы, конечно же, в этом смысле не могли противопоставить Горбачеву какое-нибудь другое видение, да. Он считал и считает, что это начало разрушения общей архитектуры безопасности в мире. Он очень гордился и гордится: помимо того, что он дал Советскому Союзу свободу и так далее, он очень гордился вот этой архитектурой.

Он очень болезненно воспринимал и выход американской администрации из некоторых договоров, и выход России из договора о фланговых ограничениях, и выход из договора об открытом небе. Он очень переживал, и поскольку мы с ним очень тесно общаемся и общались, и понимали, что это значит: мы, конечно, это критиковали, именно с точки зрения разрушения, удара по общей системе безопасности, не конкретный договор, а общей системе безопасности той конструкции, которую строили Горбачев, Рейган и Буш-старший.

ГРЕК: Это как-то объединялось с повестками о НАТО?

ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, конечно. Вообще, надо напомнить, что «Эхо Москвы» возникло после указа Горбачева. И мы в данном случае — внуки Горбачева и дети Ельцина, ну, в смысле свободной прессы. И нас так не много осталось в

России. И поэтому мы понимали, что мы росли в тот момент, когда мир как бы — закончилась холодная война, мы появились в тот момент. И казалось, что стало возможно сотрудничество, в том числе, в области безопасности, в том числе, в области вооружения.

И разрушения этой истории, ну это как было: Мы воспринимали как против хода истории, обратный ход истории. Ну да мы внимательно с этим разговаривали, обсуждали, я естественно встречался с министрами обороны. Как начало разрушения и, конечно, мы критиковали и свое правительство, безусловно, в плане разрушения системы безопасности, ну и правительство США и любое другое правительство, которое разрушало систему. Так работали журналисты.

ГРЕК: Некоторые из коллег выдвинули предположение, что ровно выход из этого договора запустил процесс строительства сверхзвуковых ракет, которые в 2018 году были показаны в виде мультиков.

ВЕНЕДИКТОВ: Ну нет, конечно. Надо понимать психологию президента Путина, его команды. Да, когда я говорю президент Путин — это его команда, это люди холодной войны, это люди, повторяю, которые, вот: «Вы племя зумба-юмба, а мы племя юмба-зумба» — мы наследственные враги, да, естественные противники, соперники, враги, как угодно. И поэтому гонка вооружений начиналась, да, при Путине, потому что его команда так видит. И американцы занимались сверхзвуковыми системами, естественно, тогда уже. И об этом наша разведка докладывала. И мы занимались. Сейчас ускорилось это, потому что вообще ускорился процесс распада системы безопасности. Смотри: Афганистан. Поэтому, это естественная история — она естественная для

России, она естественная. Процесс восстановления влияния Российской Федерации после распада Советского Союза нынешней командой президента Путина воспринимается прежде всего как паритет военный. Поскольку прямого паритета военного быть не может, исходя из бюджет — извините. Значит, мы ищем, естественно, наши военные ищут, так сказать, несимметричный ответ.

Вот недавно здесь у меня был господин Рогозин, глава Роскосмоса, на прошлой неделе, и он мне объяснил: «Смотри, НАСА не занимается милитаризацией космоса, а мы Роскосмос — военное ведомство». Вот вам и ответ. Одна фраза, а много чего решает. И это началось, ну да, в 2000-м – в 2001-м году.

ГРЕК: Менее чем через три месяца после первой встречи в Словении произошло 11 сентября. Какова была реакция россиян? Как 9.11 изменило отношение на ваш взгляд?

ВЕНЕДИКТОВ: Ну смотрите, если говорить об аудитории «Эха Москвы», у меня аудитория — это образованная городская аудитория, все-таки, да, это люди принимающие решения. Как вы видите, здесь полкилометра до Белого Дома, полкилометра до Кремля. А не вообще ни о чем.

Здесь, конечно, было огромное сочувствие сначала. В провинции по-другому: напомним, что Америка — наследственный враг, получила по заслугам. Такое тоже было, но тогда элита — она еще была Ельцинской элитой. Она еще была элитой, которая проходила через сотрудничество с Соединенными Штатами Америки, вот тогда Путин предложил помощь. Еще раз напомним, что он предложил помощь.

Напомню вам, что когда коалиция вошла в Афганистан, в России, несмотря на сопротивление военных была создана Путиным база подскока в Ульяновске — перевалочная база для американских войск, для американских грузов, хотя Совет Безопасности России возражал, но Путин, своим, да, решением эту базу создал тогда. И посоветовал всем среднеазиатским республикам, бывшим республикам Советского Союза, оказывать всяческую помощь. Да, то есть, еще вот это наследие, сотрудничество, оно продолжалось. Но все закончилось Мюнхенской речью в [200]7 году. И это было ожидаемо.

ГРЕК: Следующим важным событием были цветные революции: Грузия, Украина, Кыргызстан. Что вы думаете об этих революциях? Как и почему они происходили? И как, на ваш взгляд, воспринял это Кремль?

ВЕНЕДИКТОВ: Ну вы делите как — что я думаю, и что думает Кремль. Я же не пресс-секретарь Путина. Ну мы правда немного раз про это говорили. Насколько я понимаю, Путин абсолютно уверен в том, что цветные революции — это дело рук наших «западных коллег», как он говорит — на самом деле, американской администрации, любой, республиканской или демократической, неважно какой, любой. И он это говорит с полной уверенностью, приводит цифры, разведка так докладывает, да, что там американские посольства подкармливали оппозицию.

И когда я ему рассказал, что в момент египетской революции у Обамы были конфликты с собственным окружением, потому что собственное окружение, военные, хотели поддержать Мубарака, как, особенно военные, как столб, Обама сказал, что: «Воля народа выше, чем наши нынешние интересы. Мы поддержим народ», — и военные остались недовольны, Путин

очень удивился, на самом деле. Да, он очень удивился этому. Сейчас это уже есть в книгах Обамы, слава Богу — это не я придумал — вот в мемуарах.

Вот, поэтому его видение и видение Кремля заключается в том, что само по себе это не происходит, что это генерируется, поддерживается, подталкивается, спонсируется, организуется, прежде всего американской администрацией по всему миру. А поскольку это происходит в зонах, которые Россия и нынешняя команда Путина всегда считала своей зоной влияния — это бывшие республики Советского Союза в первую очередь — не столь арабские, сколь Грузия, Украина, в первую очередь, Киргизия, Армения. Вот, то это вражеские действия. Соответственно, он переносит это на внутреннюю политику: не допустить этой цветной революции здесь. И на все разговоры о том, что понятно, что все посольства работают со всеми, он говорит: «Нет-нет, без поддержки американского посольства этих революций бы не было», — все, точка, и об этом бессмысленно говорить, он в этом уверен. Его нельзя переубедить. Его переубедить нельзя.

ГРЕК: Ваша аудитория других взглядов или таких же взглядов?

ВЕНЕДИКТОВ: Наша аудитория очень разнообразная, повторяю, она городская образованная и люди принимающие решения, десижн мейкеры. Среди нашей аудитории президент Путин, насколько я знаю, и его команда, поэтому она придерживается разных взглядов, но тем не менее, поскольку наша аудитория всегда скептически относится к любой власти — Горбачева, Ельцина, Медведева, Путина — то она всегда ищет слабые места в аргументации властей, поэтому если Путин говорит: «А», — наша аудитория говорит: «Б». И наоборот.

ГРЕК: В мае 2005 года во время поездки по случаю дня победы в Москве, президент Буш встретился с представителями НКО, правозащитниками. Как восприняли эту встречу большинство россиян, то есть какое было в принципе мнение об этом? И с вашей точки зрения, был ли такой жест конструктивным для американо-российских отношений?

ВЕНЕДИКТОВ: Ну большинство россиян это не заметило. И они не знают эти НКО, и с кем встречался президент Буш — это не сильно интересно для них, но кроме Путина, да, кроме президента.

Нет, это деструктивная с точки Кремля была встреча, потому что НКО — это кто? Это что? Вот есть избранный народом президент, есть избранный народом парламент, там, есть студенты в МГУ или в МГИМО, есть там курсанты — это понятно. А это кто? Это люди, которые, как правило, критикуют власть и борются с властью. Это даже не позиция парламентская, это просто критиканы с точки зрения Путина — часто на зарубежные деньги, как мы видим по последним законам. Поэтому тогда это еще не воспринималось очень болезненно. Сейчас более болезненно воспринимается, но тем не менее, я точно знаю, что, когда планировался визит, российские переговорщики, советники, говорили с советниками президента Буша, что это не обязательный пункт его визита в Москву. Ну, соответственно, президент Буш настоял на этом, или его советники. Но это, конечно, не согрело отношения дополнительно.

ГРЕК: Наконец-то Мюнхенская речь! Президент Путин произнес известную Мюнхенскую речь по безопасности в 2007 году, в которой подверг критике США, как дестабилизирующую державу, пренебрегающую основными

принципами международного права. Американцы коллеги, которых мы проинтервьюировали, в том числе, были удивлены таким поворотом российской риторики — администрация Буша признала несогласие Кремля по выходу из договора по ПРО, вторжению в Ирак, расширением НАТО, но американские официальные лица в то же время по-прежнему считают, что президент Путин не понимает истинную причину этих шагов и считают, что разногласия могли быть либо косвенно решены, либо могли бы стать предметом переговоров. Как вы отреагировали на выступление в Мюнхене? Что по вашему мнению пытался сделать в этот момент Путин? Согласны ли вы с утверждением коллег о том, что разногласия были не настолько весомыми, чтобы так на них реагировать? И в принципе как бы вы оценили популярность этого выступления в России?

ВЕНЕДИКТОВ: Много вопросов. Давайте начнем с самого начала: что это было? Я был в Мюнхене во время встречи, я был аккредитован на Мюнхенской встрече. Я потом ужинал с российской делегацией, за исключением Путина, да, со всеми этими, кто составлял... И мы пришли к выводу, со словами что это было, да, но мало кто даже из делегации знал, что такая речь с такой риторикой будет. То есть они знали, что будет конфронтационная речь, но об уровне риторики члены делегации не очень знали. И мы пришли к выводу, что это был честный, настоящий Путин. Сейчас объясню в чем дело — когда Путин пришел к власти, за ним тянулся такой шлейф отношений с США, с Клинтонем и так далее, Ельцинский след, и вся первая его каденция, до [200]4 года, ну там помноженная на дело ЮКОСА и отставкой правительства Касьянова, тем не менее вся его каденция — это был такой тормозной след Ельцинской

политики, тормозной. То есть это то, что ему не было свойственно, его команде, это было ему некомфортно, это не отражало его взгляды, он считал, что Ельцин уступал американцам шаг за шагом: Европу, республики Советского Союза, «южное подбрюшье» и так далее.

Вот Путин в Мюнхене [200]7 года — это, собственно, настоящий Путин [200]7 года. Это то, как он думал уже без Ельцинского наследства, так он уже видел. Это не мое умозаключение — это как раз тех людей, которые, министров, которые были в делегации, которые были рядом с Путиным все 3, 4, 5 лет, когда у нас Лавров? С [200]4 года? С [200]4 года, да. Вот, значит, Иванов, Лавров, да. Вот это настоящий Путин. Вот он так думает и так думает его команда.

То есть это была искренняя и честная речь — это первое, что надо понимать. И если ваши американские собеседники говорят о том, что Путин не понимает глубину разногласий — нет, он понимает по-своему. Это неправильно [говорить, что] он не понимает, правильно — он понимает по-своему, он понимает по-другому. И если отнестись к этой речи, как к речи честной, то тогда ты понимаешь какая картина мира у него перед глазами, и тогда все что произошло потом, произошло 14 лет спустя, все становится ясным. Возьмите сейчас перечитайте Мюнхенскую речь, вот вам и все. Ничего нового. С [200]7 года — это заложена внешняя политика Путина по отношению к Соединенным Штатам Америки неизменная до сегодняшнего дня, в независимости от того, какие администрации стоят у власти. Я не говорю там про мелочи. Вот это его взгляд: честный, незамутненный, прозрачный, кристальный, как хотите. Это Мюнхен.

В России это встретили с восторгом, потому что большая часть населения, повторяю, она привыкла жить в условиях холодной войны противостояния и вообще утверждаться надо не за счет какой-нибудь маленькой страны, а за счет великой страны, да. У тебя противник кто? Ты меряешь себя по противнику. А, наконец-то у нас настоящий противник! Не какая-то там Эстония, простите, или Грузия, да, или Польша, во — вот это я понимаю!

И продолжая эту мысль, вот когда начались украинские события, я говорил об этом с президентом, и он говорил: «Ты не понимаешь! Мы там воюем со Штатами, мы не с Украиной воюем. Мы там на самом деле воюем с американцами, с их влиянием», — и так далее, вот где противник. А впервые озвучено это было, хотя он об этом думал и раньше. Я повторяю, да, он был заложником политики Ельцина, заложником в его понимании; через две каденции он от этого избавился. И вот он настоящий Путин, который продолжает и быть по сегодняшний день. Поэтому ошибка американских коллег, которых вы интервьюируете, в том, что он что-то там недопонимает — нет, он понимает по-другому.

ГРЕК: Оказал ли переход президентства от Путина к Медведеву какое-то существенное влияние на российско-американские отношения?

ВЕНЕДИКТОВ: Смотрите, просто у Медведева другой взгляд. Вот есть такое определение, которое я выработал в разговоре с коллегами, окружающими Путина: Путин — это Брежневский офицер, а Медведев — это Горбачевский юрист. Понимаете? Это разное видение мира, это просто другое поколение, другое образование, другой опыт, да?

И, конечно, Медведев видел это по-другому. И это одна из причин того, что он был всего одну каденцию. Потому что, например — и это стало уже публичным, по-моему, даже если не стало публичным, ничего секретного нет: история про Ливию, про то, что Россия не заветировала резолюцию по Ливии на Совете безопасности, на которой председательствовал Медведев. Путин ему возразил и сказал, что: «Мы не должны пропускать эту резолюцию по Ливии», — на что Медведев сказал: «Мне звонил Обама и обещал, что... там не будет принято чего-то», — «Тебя обманут», — сказал Путин.

И когда было принято решение о возвращении Путина — это был один из аргументов: «Тебя [Медведева] американцы обманули, ты оказался наивным, ты оказался в политике Ельцина, ты начал уступать мое наследство, которое я тебе оставил, 8 лет я стоил-строил, а ты начал им отдавать-отдавать-отдавать, поэтому я должен вернуться, без обид, да, я должен вернуться и снова настроить вот эту стену, которую проломил из-за того, что ты не придал этому значения».

Конечно, у Медведева была другая история, и до сих пор Медведев — когда мы разговаривали последний раз? Год назад, наверное. Он очень гордится СНВ — последним договором — он считает, что это наследство его, ну это хороший договор, и Путин тоже настаивал, чтобы его продлили. Кстати, по поводу всяких гиперзвуковых, гиперзвуковые гиперзвуковыми, а СНВ хочется, которые он же и критиковал. И был чрезвычайно рад, когда Салливан позвонил нашему послу, я имею в виду помощника по нац. безопасности, позвонил нашему послу Антонову, прямо на третий день после инаугурации и

сказал: «Так, мы его продлеваем, обмениваемся нотами, хорошо», — «Хорошо, хорошо, хорошо».

Понимаете, это было так. То есть Медведев этим гордится, да, и он, конечно, более был настроен на сотрудничество — он по-другому видел современный мир. Мы не будем говорить, кто более прав, потому что у каждого своя правда. Для России во всяком случае, то, что он это строил — это правда, и то, что это было одной из причин почему он не смог пойти на второй срок, потому что эта политика была неприемлемой для политики Путина и большинства его команды, команды Путина-Медведева — это факт.

Поэтому, да, Медведев — это другая история. Медведев нашел контакты с администрацией Обамы, а я напомним, что это после Грузии — это тяжелая история, да. Обама это кто? Все ставили на Маккейна. Вообще-то я помню, что еще в ходе войны с Грузией, мне буквально напрямую говорили: «следующий президент — Маккейн», — и так далее, и так далее. Обама: это где? Это кто? И Медведеву удалось установить какой-то контакт и найти общие точки. Договор СНВ это показал. Я уже не буду про другое, но договор СНВ это показал. Конечно, это была другая политика, именно, потому что это была другая политика в отношении Америки, он потерял свое место президента. Он потерял свое кандидатство, я бы даже сказал, в президенты и был отправлен обратно в премьер-министры, а потом и вообще...

ГРЕК: Как раз-таки Медведев во многом запомнился в Штатах во время грузинской кампании, когда появилась Россия в медиапространстве и так далее. Как, по-вашему, и почему произошел конфликт в Грузии? И как бы вы оценили то, как

официальные лица США и России справились с кризисом — ну относительно справились?

ВЕНЕДИКТОВ: Да ну кризис продолжается. Смотрите, смотрите, есть одна очень важная история — значит, идея Путина была и есть, и заключается, совсем недавно еще, в марте или апреле вот этого года мы говорили: он по-прежнему считает, что надо договориться с американцами, с китайцами, с Евросоюзом и вернуть Ялтинско-Потсдамский мир.

В чем заключается его идея сейчас, если я правильно понимаю? Понятно, что это не территориальный раздел, да: «Давайте мы все возьмем часть мира под ответственность», — говорил он Обаме еще, когда еще Сирия. Обаме говорил: «Ответственность: — Я отвечаю за все бывшие республики Советского Союза, кроме Прибалтики — ну это Бог с ними, давно отрезанный кусок. Оттуда не будет ни наркотиков, ни терроризма — то есть оттуда не будет угроз. Я вот за это отвечаю. Отдайте это мне, не лезьте туда. Я за это отвечаю. Китай пусть берет юго-восточную Африку, Азию, вы берите с Европой, что хотите», — ну вот это его идея была.

Я как раз ему сказал тогда, что Рейган говорил, что «Ялта — больше никогда». Он говорил: «Где? Я этого не читал», — но это было. И вот его идея, по-прежнему, не в том, что надо захватить часть мира, а в том, что должны быть зоны ответственности — вот что он говорил Обаме, это я знаю — это было в Нью-Йорке во время сессии, где они встретились, я тоже там был и сразу встречался, потом был на его пресс-конференции и потом встречался с членами делегации нашими, то есть брифинговался в чем суть-то, да. А суть ровно в этом: и давайте за Сирию будем вместе отвечать.

Тогда был вопрос к России, и тогда он сказал знаменитую фразу: «Помните о том, что мы же смогли сделать антигитлеровскую коалицию тогда и потом поделить зоны ответственности, давайте повторим», — вот, что он сказал Обаме. И вот, что он более вежливо сказал с трибуны Организации Объединенных Наций. Найдите эту речь — он эту речь правил в машине. Почему он опоздал? Он ехал в машине. Почему она не была на промтер? Потому что он ее правил прямо в машине, он вошел в зал и читал с листа, он не отдал ее на промтер, она вся была в рукописных этих самых историях, и там он ввел эту историю с антигитлеровской коалицией. Ее не было заложено, она была в рукописных, значит, его видение, оно видение и сейчас.

Теперь вернемся к Грузии. Если исходить из того, что я говорил — это правда: Грузия — это часть наследства Советского Союза, значит туда, также как и Украина потом, туда полезли другие, с его точки зрения (смотри цветные революции), туда полезли американцы, европейцы, это не важно кто, да хоть китайцы, да: «Это мое, это моя зона ответственности, вы наступили мне на ногу». Вот они лезли, лезли, лезли, а там еще, как вы знаете, там территории, конфликтные территории, замороженные конфликты: в Осетии люди с российскими паспортами, им они были розданы еще в первую каденцию Путина, то есть 2002-3 годы, там российские граждане: «Вы куда полезли, куда подталкивали?».

Он до сих пор уверен, что Кондолиза Райс подталкивала Саакашвили к нападению, ну не остановила его, он [Саакашвили] сказал так, ну уточняет: «Мы просили, мы просили». И, конечно, когда случился уже вооруженный конфликт, и он [Путин] был в Китае вместе с президентом Бушем. Мы не знаем,

то есть мы знаем по-разному, о чем они там говорили, но, конечно, решение принималось при его участии, тенью над Тбилиси. Это было не его решение — это было совместное решение, в том числе и Медведева, но это при его участии, конечно.

Это просто ментально наша территория, это Российская империя, это вот то, что он все время говорит: Российская империя, но не как государство, это как зона ответственности. Кто полез — мы защищаем, все, это наше, мы свою границу вот так защищаем. Попробуйте полезть сейчас, если талибы пойдут в Узбекистан — это наша территория, в смысле наша ментальная территория, это его видение. Его видение в отличии от, может быть, от администрации Рейгана, я не знаю про Буша, оно территориальное. Вот были границы, вот стояли столбы, и вот сюда — это заступ, как в прыжке в длину, заступ не считается, а там — считается. Вот, что случилось в Грузии: вы зашли на нашу территорию.

И мне рассказывали несколько раз и называли: Кондолизу Райс, что это она. Вот это все мне рассказывали французы, окружающие Саркози, который прилетал сюда и пытался там чего-то сделать, и летал челноком, как в свое время Киссинджер — вообразил себя Киссинджером, да. Вот они мне рассказывали, да, что это территория, эта граница, это заступ, как говорят в спорте — нельзя! Все, попытка — нельзя! В этом история, это его видение, это отражает его видение. И Украина — это только повторение слепка с Грузии, это заступ: «Куда полезли?». Вот в чем история. То есть, если мы берем цветные революции плюс бывшие границы Российской империи плюс бывшие границы Советского Союза: «Ребята, нет, мы не пустим». Прибалтика?

Хрен с вами! Все остальное — Беларусь, Украина, Карабах, Средняя Азия — «Извините, без обид». Это его такое видение, он его декларирует всюду. Он его декларировал на встрече с Обамой, когда Обама приезжал сюда — он был премьер-министром, и была его 45-минутная экспозиция, Путина, Обама сидел 45 минут и слушал. Поговорите с Макфолом он там был, и кто там еще был? [Посол Билл] Бёрнс был — нынешний директор ЦРУ. Он 45 минут вот это излагал. Собственно, я это знаю от Лаврова и от Макфола, поэтому это правда. Два источника противоположных — это правда!

ГРЕК: Ну чтобы остаться немножко хронологически в этом периоде и вернуться к предыдущему высказыванию про Маккейна: как вы думаете, республиканцы комфортнее были бы для Кремля?

ВЕНЕДИКТОВ: Смотрите, он очень уважал Маккейна. У меня было несколько — ну два как минимум разговора с Путиным про Маккейна. Я Маккейна тоже знал и встречался, поэтому я ему как бы рассказывал, а он мне рассказывал, как Маккейн вел себя в плену, и я от него узнал — от Путина — что когда Маккейна пытали, и Путин мне сказал, что — представляешь — он называл там летчиков своей эскадрильи, а это, оказывается, были члены бейсбольной команды, его школьной команды, фамилии. И он говорит: «А как бы мы с тобой себя повели, если бы нас пытали вьетнамцы?». Понимаете, до какой степени Путин... вот, это редко, когда он так с уважением говорил о людях, да.

И я думаю, что, конечно же, с Маккейном — я не могу сказать с республиканцами, я же не вижу всей картины — но с Маккейном ему было бы комфортно. Он его понимал, он понимал, что человек вот с такими взглядами, да: вот здесь так, а вот здесь не так. Я думаю, он себя вел бы с ним как с Бушем

— «он меня никогда не обманывал». Вот эта вот история могла бы быть. Я думаю, что он хотел Маккейна. Правда, когда победил Обама: «кто это?» Слабый какой-то пришел, ну непонятно. Конечно, он слабый, вот мы его сделаем! И сделали...

ГРЕК: А как вы думаете, вот так совокупно, если брать весь этот период отношений двух администраций: администрация Буша сумела прочесть Путина, как личность, как политического лидера? Как вы думаете Кремль понимал или прочитал Буша?

ВЕНЕДИКТОВ: Кремль точно понимал и читал Буша и манипулировал этой администрацией, потому что если вы возьмете период Буша 2001-2008, да, мы видим, как Россия укреплялась, мы видим, как Россия себя вела, рискуя: Грузинская кампания, посмотрите сами — это были риски. Мы же не знали какие обязательства были у администрации Буша по отношению к администрации Саакашвили, а может и знали, и наоборот, да.

Но то, что Путина не прочитали до сих пор — подождите, еще раз я объясняю, что это его видение. Да, это не потому, что он чего-то недопонимал, это неправильно так считать, у него просто было другое видение: вы с Марса, мы с Венеры, да. У нас много воды, у вас воды нет. У нас жабры, а у вас легкие. Это все, это просто по-другому надо разговаривать. Надо просто по-другому разговаривать. Невозможно переубедить в фундаментальных вещах. Вот вам фундаментальные вещи — его невозможно переубедить. По звуковым ракетам можно договориться, по СНВ можно будет договориться, и я не сомневаюсь, что по конкретным, по потоку тактических ядерных ракет и неядерных ракет в Европе можно договориться, а по сути нельзя, а по конструкции можно. Ну

он так видит, ну просто нельзя, бессмысленно греть воздух. Это с Брежневым было можно, да, и это можно было с Клинтоном, а с Путиным нельзя.

И поэтому я и говорю, что не прочитали. А потому что многие думают, в том числе в администрации — когда вот я был последний раз в Штатах, в [20]16 году, еще была администрация Обамы. Я говорил со многими там, я с Блинкеном говорил тогда, да — значит, все уверены, что это Путин так хитрит. Да, он так хитрит, но при этом у него есть базис, с которого он не ступит никогда. Это: а) его собственное понимание и б) понимание, что его народ разделяет основные базисные вещи, потому что это наследственные враги. Вот история наследственной вражды: с врагами можно мириться, заключать перемирия, даже делить добычу, вместе что-то делать, но это все равно враги — изначально враги. Вот, если это не понимать, что он опирается и на собственные взгляды, и на мнение большинства народа, значит — у ничего не понимать. И понимать, что здесь тактически можно строить и систему безопасности, ограничивать вооружение — все можно, а вот в Среднюю Азию, на Кавказ, на Украину — ничего не будет, никаких уступок не будет. Потому что я [Путин] так вижу. И этого не понимает не только ваша администрация, этого не понимает ни Меркель, ни Макрон, ну нормандский формат — я имею ввиду, ни Олланд — не понимают просто.

Это просто про другое — для него это не тактика, для него это базис. Это мне ни одному американскому послу, кроме Вершбоу, мне не удалось объяснить, не удалось. Потому что, когда меня Вершбоу спросил: «Как объяснить отношения между Путиным и Медведевым моему президенту Бушу? Ну он не понимает. Вот, Алексей, ты можешь как-то объяснить? Я не

знаю, как тегасцам можно что-то объяснить». Я сказал, ну, вот: «Можно сказать: Путин — это Бэтмен, а Медведев — это Робин». И он написал это в телеграмме, Вершбоу, которая попала в WikiLeaks, и, хотя мое имя было вычеркнуто, замазано, тем не менее, эта телеграмма была здесь прочитана. Во-первых, мне донесли, что Медведев мной недоволен из-за этого, а во-вторых, на встрече с Путиным — премьер-министром, он сказал: «Послушай, я знаю, что это ты написал, я из-за тебя вынужден был з фильма посмотреть, чтобы понять, что ты имел в виду». Бэтмен-Робин! Ну как объяснить, вот, американцу отношения — Бэтмен-Робин! Я до сих пор так считаю, понимаете? Эта история ровно про это. Потому что вот как объяснить президенту Бушу кто это? Вот! Это фактическая история! Вот, поэтому я до сих пор не люблю Ассаанжа.

Но здесь было очевидно, совершенно очевидно, что я попал в точку, потому что оба президента: и Путин, и Медведев на это среагировали достаточно: один — весело (Путин), а другой — нервно (Медведев). Значит, я попал. Но вот это суть. Я как раз очень благодарен послу Вершбоу, потому что, вот, что он передал, и я понял, что президент Буш, он не понимает. А как можно понять? А здесь все понятно было. Здесь все было понятно: наследник, сын, все понятно, ни у кого не возникло сомнения, да, что это вот нормально, передал трон Медведеву.

ГРЕК: Говорят на разных языках — одна из самых фундаментальных проблем в двусторонних отношениях — вы ее очень хорошо осветили. Какие-то может быть еще есть фундаментальные принципы или интересы, которые не

позволяли достичь дружеских отношений даже под воздействием какого-то личного контакта первых лиц?

ВЕНЕДИКТОВ: Смотрите, есть у президента. Я не готов говорить про Буша, или, соответственно, я не знаю Байдена, я не знаю и Трампа, но Путин считает все не от плюса, а от минуса, в международных отношениях. То есть, он считает угрозы, он не приобретения считает, а ответку на угрозы. Это идет с 90-х годов, да, когда окружены угрозами, растут угрозы, изменяются угрозы, надо искать союзы.

Собственно, его предложение по Сирии — да, Путин же вырос на угрозе исламского терроризма, и он прекраснейшим образом понимал то, что разнесенный, разгромленный, гражданскими войнами, в первую очередь, ну и американской интервенцией, Ближний Восток — это порождает огромное число людей, которые путем террора пытаются наказать или вернуть и так далее. Он это понимал. И вот, когда ему предлагают что-то делать путем каких-то приобретений, для него это вторично.

Вот, это тоже так, вот история с этой базой в Ульяновске. Я ее очень хорошо знал, следил, потому что я тесно общался тогда с министром обороны, с господином Сердюковым, он меня тоже брифинговал и рассказывал... ну мне правда надо понимать суть, а не просто там чего-то там где-то писать заметки или говорить по радио. И он мне объяснял как военные (Сердюков же пришел не как военный) да, были против того, чтобы американцев пускать на эту базу: даже внутри партии Путина, внутри команды Путина, в совбесе, Патрушев и так далее были против. Но Путин им всем говорил: «Послушайте, талибы — это угроза для нас. Где эти американцы? Через океан, ну прилетят террористы,

ну взорвут Собор Святого Патрика, да, у них еще много соборов, а у нас они — вот, Поволжье, вот оно, вот они здесь они строят, эти самые ваххабиты, строят церкви, мечети, поэтому мы им разрешаем открывать базу, потому что они за нас сделают нашу грязную работу, это наша общая угроза», — вот в чем здесь дело. И когда они с Бушем начали разговаривать, Балканы были общей угрозой, понятно почему, да: перевалочный пункт наркотиков через Албанию и так далее. Поэтому они частично смягчили проблему по Югославии, закрыв глаза признали там: кто-то Косово признал, а кто-то не признал — уже не важно стало, в этом стала история. Поэтому не учитывать то, что Путин ведет отсчет от негатива, от угроз, а не от позитива, от предупреждений — вот это, мне кажется, еще одна зона, с которой он не может договориться с американской администрацией. Администрация, любая администрация американцев считает, что ей *даст* это, а Путин считает от чего это *оградит* Россию. Мне кажется, что вот это очень важная вещь.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]